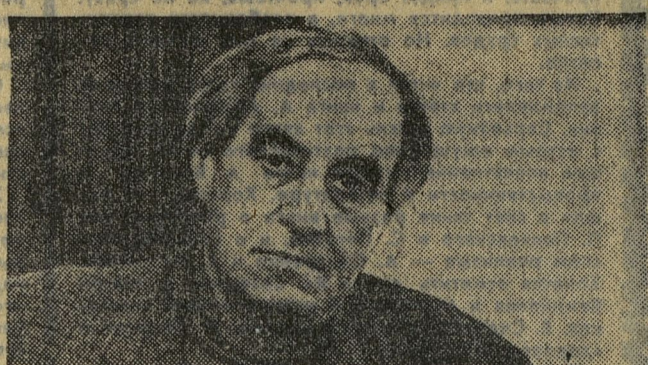


Валентину КАТАЕВУ —

80 лет



В связи с 80-летием со дня рождения В. П. Катаева секретариат правления СП СССР направил ему приветствие, в котором говорится:

«Дорогой Валентин Петрович!

В день Вашего славного юбилея шлем Вам, замечательному художнику, словачу, одному из основоположников и ветеранов советской литературы, писателю-коммунисту, общественному деятелю, самые сердечные поздравления и добрые пожелания.

Начав свой творческий путь в первом десятилетии Советской власти, Вы с честью шли и продолжаете идти в рядах ведущих мастеров литературы, достойно несете горьковскую эстафету, неустанно служите делу строительства коммунистического общества своим пером прозаика, драматурга, публициста. Темы революции, социализма, нового мира, формирования нового человека — главные в Вашем творчестве. Вами созданы впечатляющие образы советских патриотов, верных сынов и дочерей Коммунистической партии.

Ваши яркие, талантливые произведения прочно заняли место в советской литературе. Среди книг, которые гонимы и будут волновать многие поколения читателей, — повесть «Белеет парус одинокий», ставшая началом выдающейся историко-революционной эпопеи «Волны Черного моря»; роман «Время, вперед!», пронзанный героическим пафосом первых пятилеток; вдохновенное повествование о молодых бойцах Советской Армии «Я, сын трудового народа...»; любимая книга юных читателей «Сын полка»; широко извест-

ная повесть «Маленькая железная дверь в стене», посвященная бессмертной ленинской теме. Новые и новые книги выходят из-под Вашего пера, Ваши пьесы обрели долгую жизнь на театральной сцене, на телевизионном экране.

Вашу художественную палитру отличают богатство и многообразие красок, неизменная свежесть поэтического восприятия мира, образная насыщенность стиля. Ваши поиски и обретения существенно обогащают арсенал советской литературы, служат прекрасной школой для молодых писателей.

Делу воспитания и обучения мастерству молодых поколений советских литераторов Вы отдали много сил и энергии, возглавляя в течение ряда лет журнал «Юность», руководя творческими семинарами.

Вы были делегатом Первого съезда советских писателей и с самого основания нашей писательской организации участвовали в работе ее руководящих органов. Вы и ныне являетесь членом правления СП СССР.

Ваша литературная и общественная деятельностьнискала Вам широкое признание. За выдающиеся заслуги в развитии советской литературы Вы удостоены звания Героя Социалистического Труда, награждены многими орденами и медалями. Вы — лауреат Государственной премии СССР.

Желаем Вам, дорогой Валентин Петрович, крепкого здоровья, больших творческих радостей и новых свершений во имя расцвета советской литературы».

Даже если бы была написана только одна эта небольшая повесть, навсегда озаренная лермонтовской строкой...

Как это часто бывает, хрестоматийность, школьная обязательность, сочинение на тему «Образы Пети и Гаврика как воплощение того-то и того-то» — все это не дало мне в те детские годы ощутить всю полноту счастья от чтения этой книги. Возможно, что даже какая-нибудь приключенческая чепуха глоталась с большей жадностью. Позднее, в маленьком казахском городке, в комнате Дома приезжих я нашел книжечку без обложки с крупным шрифтом, с расставленными над словами ударениями, предназначенную для чтения в нерусских школах:

«Пустой, без команды, с машинами, залитыми водой, со спущенным флагом восстания, тяжело ныряя в острую зыбь, «Потемкин» медленной двигался, окруженный тесным конвоем дыма».

Что же открылось мне в той полузабытой книге? Детство, совпавшее с ломкой всего устройства прежней жизни, строительная радость и печаль от существования в этом тревожном мире, первый росток любви и что-то еще, трудно определяемое словами, какая-то скрытая мелодическая прелесть интонации, ощущение, подобное тому, что так часто и остро испытываешь в детстве: ты просыпаешься, а за окном твоей комнаты будто бы берег и гулост простора, солнца, ветра, синевы, ожидание чего-то нового и прекрасного, что обязательно случится с тобой сегодня...

Даже если бы была написана только одна эта повесть... Но ведь, кроме нее, столько замечательных книг было написано им и, верится, будет создано им.

Но тогда я впервые ощутил в полной мере обаяние катаевской фразы — летящей, упругой, зримо — льющейся в облике предметов, гармонично красивой и чуждой всякой красивости. Уже потом, прочитав много других вещей, я понял, что виртуозность, пластичность свобода никогда не переходят у него в затейливую словесную вязь, что щедрость метафор, зероэскопическая острота видения и обширные подробности ничего общего не имеют с многословием и «красочностью». Проза Катаева отмечена в новациях, строгостью.

Мне довелось и посчастливилось начинать в журнале, созданном им, который в то время был больше, чем обычный журнальный организм, дающий продукцию из месяца в месяц. Скорее это была студия, отсюда вышли в литературу многие интересные люди, никому дотоле не известные, открытые и подержанные лирическим и подержанным жестковатым на первый взгляд Катаевым. Нелишне вспомнить об этом сейчас, когда мы так много думаем о воспитании нового литературного поколения.

Он писал о стройке и о войне, писал рассказы, пьесы, даже сказки, одна из них — «Цветик-семицветик», кристаллически прозрачная и чистая, — может быть, без сомнения, отнесена к шедеврам этого жанра. Уходя от детства, он тем не менее вновь возвращался к нему, как бы повторяя все время странненький сон, в котором все те, кто погиб, живы, время потеряло свою силу и власть, и все далекое, потерянное, забытое видится в увеличительном стекле, вынутым из желтого соснового ящика Афонской панорамы».

Увеличительное стекло, может быть, одна из тайн катаевской прозы.

действуют законы другой оптики: «Нужно изобрести бинокль, при помощи которого ваши читатели могут увидеть существа и вещи через такие стекла, какими еще никто не пользовался; посредством этого бинокля вы показываете картины под неведомым до сих пор углом зрения, вы создаете новую оптику. Мы с братом предумали этот бинокль, а теперь я вижу, что вся молодежь пользуется им...»

Эти слова братьев Гонкур приводит Катаев в «Траве забвенья».

Эта оптика Гонкуров при всей своей остроте разглядела все же меньше в глубинах человеческого существа, чем оптика Стендаля, Мопассана, Толстого и Достоевского. Но в конечном итоге литература лишь выигрывает от поиска, от попытки обновления, от переоценки ценностей. Любые химические опыты не создают нового золота, но будут способствовать развитию науки. Поиск новизны — это отталкивание от старого и возвращение к нему.

В поздних своих работах писатель как бы порвал движение времени, смонтировал сегодняшнее с вчерашним, заставил лирического героя с обостренной силой взглянуться в самого себя, а через себя во множество других людей, оставшихся навсегда в памяти или незримо исчезающих.

И чаще других возникали два имени, два характера, два писателя, оставившие, по его собственному признанию, след в его творчестве и судьбе. Он написал их так, как увидел, понял и ощутил, и не следует взглярять этот художнический взгляд линейной бытовой и исторической точности.

Бунин и Маяковский. Маяковский и Бунин.

Резко взаимоисключающие друг друга, противоположные по строению, по эстетике, по мироощущению, по «строчечной сути». Враждебные, ненужные друг другу, но, как выяснилось впоследствии, оба необходимые и нужные Русской Литературе.

«Всплывающие — много лет тому вперед, — пишет Катаев, — я пришел и убеждению, что в России всегда был, есть и будет всего один-единственный бессмертный поэт, национальный гений, в разное время носящий разные имена».

«Тому вперед» — не оговорка и не игра слов. Это все то же стремление писателя постараться на себя и других людей во времени, как бы со стороны, поменять местами целые пласты жизни. В последнем своем романе «Кладбище в Скулянах» он рассматривает уже не одну судьбу, а историю целого рода: «Время окончательно потеряло над собой свою власть. Оно потекло в разные стороны, иногда даже в противоположном направлении...»

Всегда интересно, что он напишет завтра.

Дар новизны — это редкий дар, и им с щедростью наделен Катаев, так же как и еще одним свойством, счастливым данным ему судьбой. Непроходящей молодостью. Это не слова, не фразы, столь удобная в разговоре о маститом юбилере. Я действительно не представляю себе академичного, почтенного Катаева. В нем есть какая-то корневая жизненная сила: проходит десятилетия, а он не меняется. Впрочем, он меняется, обновляется, уходит от себя и возвращается «на круги своя» — в своих книгах.

Будем благодарны ему, старому мастеру, вечно молодому художнику, так прекрасно сместившему все времена, так счастливо сохранившему способность удивляться и удивлять.

Владимир АМЛИНСКИЙ

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.